

Научная статья

УДК 343.985.1

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).276-284

ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ МОТИВОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЛУЖЕБНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

О.В. Айвазова*Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

14 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

5 мая 2022 г.

Дата онлайн-размещения

23 мая 2022 г.

Ключевые слова

Должностные лица; управленческие функции; служебные полномочия; мотивы совершения преступлений; корыстная заинтересованность; иная личная заинтересованность; должностные преступления; служебные преступления; судебно-психологическая экспертиза

Аннотация. В статье анализируется гибкий подход законодателя в части регламентации субъективной стороны преступлений служебной направленности в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ при определении внутренних побуждений — мотивов, стимулирующих субъектов на совершение посягательств: в одних случаях — нейтральное отношение, в других — различная степень конкретизации, а в третьих — использование близких по смыслу понятий. В теории юридической науки и в правоприменительной практике это вызывает различные подходы к пониманию значимости этого элемента в системе механизма преступной деятельности, его роли не только для квалификации преступления, но и для доказывания. В результате данная полемика обуславливает отсутствие единообразия позиций по вопросу толкования и применения норм, а на практике способствует возникновению конфликтных судебно-следственных ситуаций. Автор выражает аргументированную критику в отношении тех, кто считает необходимым упразднить в конструкции составов анализируемых деяний указания на мотивы или иные внутренние побуждения, и полагает, что существующий подход усложняет деятельность по доказыванию. Автор указывает, что, если законодатель и не счел нужным приводить в уголовно-правовой норме значимые для квалификации мотивы или иные близкие по значению понятия (цели, интересы, побуждения), это не освобождает правоприменителя от обязанности установления данного элемента противоправной деятельности, поскольку необходимость доказывания субъективной стороны деяния прямо предусмотрена в норме ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующей универсальный предмет доказывания. Более того, независимо от определения уголовным законом мотивов или целей, которыми руководствовалось лицо, осуществляющее управленческие функции, даже если они не имеют значения для квалификации, точное выявление мотивов преступной деятельности всегда является ключом к установлению причастности к деянию лица, а также всех обстоятельств совершенного посягательства, включая тщательно предпринимаемые меры по сокрытию преступной деятельности, групповой и (или) многоэпизодный характер деяния и т.д. Вместе с тем анализ эмпирических источников позволил сделать вывод о недостаточном внимании субъектов доказывания к установлению мотивов преступной деятельности, особенно если они не являются очевидными. Автор приводит рекомендации по восполнению имеющихся пробелов, в числе которых более точное установление психологической составляющей субъектов преступлений служебной направленности с учетом современного уровня развития судебно-психологической экспертизы, возможности которой могут помочь определить мотивы указанных субъектов, использующих свои полномочия вопреки интересам службы.

Original article

ISSUES OF PROVING THE MOTIVES FOR OFFICIAL MISCONDUCT

Olga V. Aivazova*Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Rostov-on-Don, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 October 14

Accepted

2022 May 5

Abstract. The author analyzes the flexibility of the lawmakers' attitude to the regulation of the subjective side of public office offences in the corresponding Articles of the Special Part of the RF Criminal Code when determining internal incentives — motives driving the criminal behavior of people: in some cases, their attitude is neutral, in others there are various degrees of specification, and sometimes they use con-

Available online
2022 May 23

Keywords

Officials; managerial functions; official powers; motives for committing crimes; self-interest; other personal interest; official misconduct; abuse of office; forensic psychological examination

cepts that are similar in their meanings. In both legal theory and the practice of law enforcement, this results in different approaches to understanding the significance of this element in the system of criminal activity's mechanism, and its role not only for crime qualification, but also to proving. As a result, such controversy leads to a lack of a unified position regarding the interpretation and application of norms, and contributes to conflicts in the practice of judicial investigation. The author presents arguments to criticize the position according to which motives or other internal incentives should be eliminated from the necessary elements of the analyzed crimes and believes that the existing approach makes proving harder. The author points out that if the lawmakers do not consider it necessary to include motives or other similar concepts (goals, interests, incentives) necessary for qualification in the criminal law norm, it does not relieve the law enforcement bodies from the obligation to establish this element in illicit activities, since the necessity of proving the subjective side of an action is directly provided for in the norm of Art. 73 of the RF Criminal Procedure Code which regulates the universal facts to be proven. Moreover, regardless of how the criminal law determines motives and goals of the person with managerial functions, even if they are not relevant for qualification, the identification of precise criminal motivation is always key to incriminating a person and establishing all the circumstances of the infringement, including measures undertaken to conceal criminal activities, group and (or) multi-episode activities, etc. At the same time, the analysis of empirical sources allowed the author to conclude that persons responsible for proving proof do not pay sufficient attention to establishing the motives of criminal actions, especially if they are not obvious. The author presents recommendations on filling the existing gaps, including a more precise psychological description of people guilty of official misconduct using the possibilities presented by modern forensic psychological examination that could help determine the motives of the people who use their official powers against the interests of their service.

Признавая коррупцию глобальным деструктивным явлением, которое имеет международный масштаб и поражает различные сферы гражданского общества [1–6], наше государство держит неуклонный курс на разработку и реализацию мер по ликвидации либо минимизации данного явления. С точки зрения уголовного закона такой мерой выступает криминализация деяний, совершаемых должностными лицами либо лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, вопреки интересам службы.

Вместе с тем, конструируя составы преступлений, совершенных указанными лицами в связи с выполнением ими своих служебных полномочий, законодатель реализует гибкий подход в части определения внутренних побуждений, стимулирующих данных субъектов на совершение посягательств. В одних случаях законодатель нейтрально относится к определению мотивов преступной деятельности, не считая их значимыми для квалификации, а потому прямо не обозначает их в соответствующей норме Особенной части УК РФ (например, ст. 169). В других ситуациях законодатель с той или иной степенью конкретизации предусматривает установление мотивов криминальных действий в качестве состава преступления (например,

в ст. 170 УК РФ упоминается о корыстной или иной личной заинтересованности). В третьих случаях говорится о близком по сути и значению понятии, предопределяющем соответствующую противоправную мотивацию, а именно о целях извлечения выгод и преимуществ для себя или иных лиц либо причинения вреда другим лицам (ст. 201, 201.1 УК РФ).

В специальной юридической литературе реализуется неоднозначный подход как к пониманию содержания субъективной стороны служебных преступлений, так и к доказыванию таковой [7]. Так, некоторые исследователи считают указание в уголовном законе на мотив совершения служебного преступления излишним, более того, даже вынуждающим правоохранительные органы его доказывать, что, по их мнению, существенно затрудняет работу следственно-судебных органов и приводит к судебным ошибкам [8].

Признавая в ряде случаев объективную сложность доказывания мотивов совершения служебных преступлений, действительно приводящую к судебным (и/или следственным) ошибкам, мы категорически не согласны с позицией о нецелесообразности доказывания мотивов совершения указанных деяний (сторонники данной точки зрения рекомендуют отказать-

ся от регламентации мотивов преступления). Представляется, что сложность доказывания преступной мотивации должна являться фактором, обуславливающим потребность более тщательного исследования и проработки указанного аспекта, а не отказа от такового.

Дело в том, что независимо от определения уголовным законом мотивов или целей, которыми руководствовалось лицо, выполняющее управленческие полномочия, даже если они не имеют значения для квалификации, их установление является необходимой составляющей предмета доказывания, регламентированного ст. 73 УПК РФ. Кроме того, в практическом аспекте выявление мотивов преступной деятельности — ключ к установлению как виновного лица, так и всех обстоятельств совершенного посягательства [9; 10], включая предпринимаемые меры по сокрытию преступной деятельности, групповой и (или) многоэпизодный характер деяния и т.д.

В то же время анализ уголовных дел свидетельствует о том, что доказыванию мотивов, которыми руководствовалось лицо, совершая должностные или иные служебные преступления, уделяется недостаточное внимание [11], особенно если они не являются очевидными. Например, корыстная мотивация очевидна при получении разового (единовременного) вознаграждения при взятке или коммерческом подкупе, главным образом в случае, когда лицо, действуя единолично, распоряжается полученными материальными ценностями по своему усмотрению.

Однако не являются редкостью гораздо более сложные и опасные деяния, носящие групповой или организованный характер, сопровождающиеся применением завуалированных коррупционных схем, реализуемых на протяжении ряда лет. При этом группа лиц либо организованная группа могут сочетать в своем составе действующих согласованно должностных лиц государственных или муниципальных органов, курирующих развитие соответствующих сфер, отраслей, направлений (будь это бюджетная сфера, строительство, образование, здравоохранение, наука и др.), заинтересованных представителей бизнеса, сотрудников правоохранительных органов, иных органов, наделенных регистрационными, разрешительными, контрольными, надзорными функциями, а также лиц, выполняющих посредническую деятельность, включая урегулирование потенциальных

или реально возникших конфликтных ситуаций. Деятельность таких формирований зачастую предусматривает заранее разработанные меры (в том числе сочетающие в себе элементы конспирации и дезинформации), направленные на предотвращение разоблачения как самого факта противоправных действий, так и формата совершения их группой лиц или организованной группой с тем, чтобы даже в случае задержания с поличным по факту взяточничества либо коммерческого подкупа данное деяние выглядело как разовое и единоличное, оставляя за пределами поля зрения правоохранительных органов хорошо организованную и слаженную «коррупционную машину», ибо коррупция, как уже отмечалось, есть одно из негативных (побочных) порождений глобальной трансформации нашего общества [12]. В подобных случаях задержанное лицо «приносится в жертву», а сам по себе криминальный механизм нередко так и продолжает функционировать далее: назначенное на эту же должность новое лицо не только продолжает участвовать в противоправной деятельности, но и применяет более изощренные методы сокрытия преступления с учетом ошибок или просчетов, допущенных предшественником.

Принятие уполномоченным должностным лицом государственного или муниципального органа либо учреждения заведомо неправомерного решения зачастую имеет корыстную подоплеку. Однако если корыстные интересы не проявляются в непосредственном получении им денежных средств в едином временном промежутке с моментом оформления (подписания, регистрации, опубликования и т.д.) заведомо неправомерного решения (т.е. не являются очевидными), то их доказывание носит весьма формальный и поверхностный характер, а именно ограничивается сведениями, полученными в результате допроса самих подозреваемых, обвиняемых (если они согласны дать показания), свидетелей, потерпевших (при наличии), реже с этих позиций анализируется содержание документов, созданных в связи с принятым неправомерным решением. В некоторых случаях информацию о преступной мотивации соучастников можно получить в результате анализа их диалогов (переговоров с помощью средств связи, переписки в социальных сетях и мессенджерах).

Однако все названные информационные источники зачастую не дают полного и объективного представления о внутренних побуждениях, которым руководствовалось лицо в процессе

совершения и (или) сокрытия преступления, хотя бы потому, что мотивация деятельности с учетом конструкции составов преступления, будучи отнесенной к субъективной стороне преступления (наряду с осознаваемыми целями и побуждениями), в той или иной степени может охватывать сферу бессознательного. В подобных случаях лицо и само не всегда способно (даже при желании дать развернутые показания) исчерпывающе объяснить причины некоторых своих поступков, потребности, которые побудили на совершение соответствующих действий.

Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, «мотив представляет собой внутренний смысл поведения, действия, поступка. Он порождается человеческой потребностью и выражается в деятельности (поведении и т.д.)... В связи с чем можно говорить о двух уровнях мотивов деятельности — видимом, внешнем, понятном самому субъекту и окружающим, и скрытом, глубинном» [13]. Если внешний уровень мотивов деятельности может быть осознан и назван допрашиваемым подозреваемым, обвиняемым, а также установлен следователем на основе совокупности показаний и других доказательств, то скрытый, глубинный уровень нередко может быть определен лишь специалистом — психологом. Например, казалось бы, типичным мотивом получения взятки или коммерческого подкупа является корысть (желание и стремление получить дополнительный доход). Однако так бывает далеко не всегда. Должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, нередко имеет хорошее и стабильное материальное положение, но принимает незаконное вознаграждение, считая себя «удобным», «адекватным», «контактным» человеком, способным разрешить сложные вопросы, вопреки (либо в обход) каким-либо правилам или ограничениям, а также в случае причастности к деяниям группы лиц или организованной группы, чувствуя себя элементом «единого механизма», частью «единой команды» и желая далее оставаться «в системе», реализуя своеобразные, принятые в данном коллективе неофициальные стандарты поведения (так называемая теневая корпоративная этика). Являясь «элементом» подобных коррупционных схем, лицо на глубинном уровне психологически чувствует себя относительно защищенным авторитетом и возможностями лиц, занимающих более высокий пост либо обладающих более влиятельными корпоратив-

ными связями. Иными словами, совершение управленцем злоупотреблений полномочиями и других подобных действий за незаконное вознаграждение нередко бывает продиктовано не столько получением материальной выгоды, сколько такими побуждениями, как помощь «полезному человеку», предполагаемое получение взаимной услуги, расчет на дальнейшее сотрудничество и т.п.

Применительно к рассматриваемым деяниям служебной направленности, близким по значению (по отношению к мотиву) понятием, признаваемым в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. № 19 (далее — Постановление № 19), относящимся к признакам субъективной стороны деяния, выступает корыстная или иная личная заинтересованность. Однако Верховный Суд РФ оговаривает это понятие лишь применительно к ст. 285 УК РФ, что, как представляется, искусственно сужает применение данного положения, ибо те или иные действия, относящиеся к частным случаям злоупотребления должностными (служебными) полномочиями, содержатся и в иных нормах, в том числе формально относящихся к категории преступлений экономической направленности (например, ст. 169, 170 УК РФ), но по своему фактическому содержанию представляют собой специфические разновидности служебных преступлений.

Кроме того, на наш взгляд, несмотря на близость по смыслу понятий «мотив» и «заинтересованность», будет неверным их полное отождествление, поскольку сама по себе заинтересованность без наличия побудительного импульса могла бы так и остаться желаемым для данного лица, но так и не реализованным итогом. Под корыстной заинтересованностью Верховным Судом РФ предлагается понимать стремление должностного лица путем осуществления неправомерных действий получить для себя или третьих лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Конкретизация указанного понятия проявляется путем иллюстрации действий, считающихся имеющими личную заинтересованность: незаконное получение льгот, кредита, освобождение от затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п. Перечень таких дей-

ствий является открытым, что, с одной стороны, закономерно, поскольку невозможно предвидеть все действия, на которые пойдет субъект преступления для реализации своего умысла, с другой стороны, это может вызвать разногласия и конфликтную ситуацию при расследовании в силу разной их правовой оценки участниками уголовного судопроизводства. Однако изложение в анализируемом руководящем документе конкретных примеров действий, продиктованных корыстной заинтересованностью, наглядно иллюстрирует их нетождественность с корыстными мотивами (направленными на прямое личное обогащение).

В любом случае, даже если является очевидным совершение служебного преступления по корыстным мотивам и (или) исходя из корыстной заинтересованности, то для расследования представляют интерес разновидности указанных побуждений. Лицо приняло неправомерное решение, будучи движимым следующими побуждениями:

- разовое (единовременное) обогащение вследствие сложной жизненной ситуации и (или) трудностей материального характера;
- разовое или эпизодическое обогащение ситуативного характера;
- систематическое обогащение путем получения незаконного вознаграждения вследствие принятия однотипных решений, которые сами по себе соответствуют принятым стандартам, регламенту, основаниям и т.д. либо выходят за их пределы, в отношении различных (независимых друг от друга) заинтересованных субъектов (физических лиц, предпринимателей, организаций);
- систематическое получение незаконного вознаграждения в качестве элемента «преступной цепочки» и т.д.

Однако в данном случае получение незаконного вознаграждения как разновидности неправомерного обогащения выступает лишь внешней стороной, скрывая под собой гораздо более глубокие пласты информации. При очевидности факта получения незаконного вознаграждения, как уже упоминалось, оно далеко не всегда может быть предопределено побуждениями, связанными с материальным обогащением, а объясняться мотивами иной личной заинтересованности.

Что касается такого мотива, как иная личная заинтересованность, то здесь наблюдается еще большая неопределенность теоретического и практического характера [14]. Понятие «иная

личная заинтересованность», предложенное в п. 16 Постановления № 19, с одной стороны, содержит указание на стремление должностного лица получить выгоду неимущественного характера, с другой — приводит лишь примерный перечень побуждений, относящихся к данной группе, а именно: карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой, скрыть некомпетентность и другие, оставляя данный перечень открытым (т.е. проявляя аналогичный подход по отношению к определению корыстной заинтересованности). Безусловно, совершение служебных преступлений может быть продиктовано такими мотивами, которые сложно отнести к корыстным, например, тщеславие, самоутверждение, зависть, месть, желание помочь (либо угодить) значимым для данного субъекта лицам и т.п. В специальной литературе наблюдается различие точек зрения в определении личной заинтересованности как мотива преступления. Некоторые авторы, определяя мотив личной заинтересованности, говорят об осознаваемом лицом противопоставлении [15] интересам государства или общества, а также других лиц, организаций, предприятий.

На наш взгляд, при разграничении мотивов преступной деятельности, относящихся или не относящихся к личной заинтересованности, ключевым критерием должно являться стремление к реализации личных интересов не как заведомое противопоставление интересам государства, общества, других физических или юридических лиц (ибо дело не в демонстративном противопоставлении: лицо, стремясь получить какие-либо блага, зачастую нейтрально относится к тому, насколько его действия могут навредить интересам государства или общества, попросту игнорируя последние), а собственно в воплощении личных желаний, потребностей, вопреки принятому порядку. Безусловно, сказанное не опровергает осознания лицом совершаемых действий (бездействия) как противоречащих законным интересам различных институтов гражданского общества (речь в данном случае идет о содержательной направленности вектора личной заинтересованности).

Помимо корыстной и иной личной заинтересованности, о которых уже шла речь, субъекты нередко совершают должностные и прочие служебные преступления, действуя в интересах других лиц. Здесь тоже очевидна весьма тонкая

грань между личной заинтересованностью и реализацией интересов третьих лиц: ведь субъект, внешне действуя в интересах этих лиц, даже не имея корыстной заинтересованности, таким образом нередко рассчитывает на создание взаимовыгодных социальных связей, взаимную поддержку, помощь (в том числе в нарушение принятого порядка) со стороны данных лиц. Поэтому действия в интересах указанных лиц нередко на более глубинном уровне сочетаются и с таким побудительным фактором, как иная личная заинтересованность.

Вообще в действиях лиц, совершивших преступление, нередко наблюдается сосуществование различных мотивов (полимотивация), не все из которых в полной степени осознаются даже самим субъектом. При полимотивации на выбор поведения (в том числе противоправного) влияет определенная совокупность мотивов («иерархия мотивов»), отдельные из них являются доминирующими (основными), иные — сопутствующими (факультативными), третьи — ситуативными (сформировавшимися спонтанно под воздействием каких-либо условий).

Таким образом, мы склоняемся к тому, что при исследовании мотивов совершения преступлений служебной направленности необходимо использовать более тщательный подход. Одним из ценных информационных ресурсов для установления внутренних побуждений, подтолкнувших субъекта на совершение преступления, является допрос данного лица в качестве подозреваемого, обвиняемого, а также допрос иных осведомленных лиц в качестве потерпевших и свидетелей.

Допрос подозреваемого, обвиняемого по существу установления его внутренних побуждений на совершение противоправного деяния возможно осуществить в рамках как общего допроса этого лица, так и дополнительного, посвятив указанному аспекту самостоятельное следственное действие. Однако, учитывая, что даже сам субъект преступления не всегда в полной мере способен объяснить глубинные причины своих поступков, допрос (в части выяснения конкретных мотивов, их соотношения и взаимовлияния с близкими по значению внутренними факторами) нуждается в особой подготовке. В ходе подготовки к допросу целесообразно изучение личности допрашиваемого с позиции установления совокупности его индивидуально-психологических качеств (наряду с изучением перечня его служебных

полномочий, predeterminedных занимаемой должностью), приобретающих криминологическую значимость с точки зрения их влияния на формирование и развитие криминальной ситуации. При этом информативным источником могут выступить результаты психологических и психофизиологических исследований (тестирований, консультационных и психокоррекционных мероприятий и т.д.), если таковые проводились. Так, зачастую в отношении кандидатов на определенные должности, а также некоторых категорий сотрудников с установленной периодичностью осуществляются специальные психологические исследования с применением полиграфа для изучения системы морально-этических качеств данного лица, степени его антикоррупционной устойчивости и склонности к противоправному поведению. Следовательно, при наличии в организации, где работает (служит) данный субъект, психологических подразделений, уполномоченных проводить названные мероприятия в отношении личного состава учреждения или организации, необходимо изъять путем выемки соответствующую документацию, допросить психологов, непосредственно работавших с подозреваемым, обвиняемым.

Представляется, что наиболее результативным средством доказывания факта наличия у лица определенных побуждений выступает судебно-психологическая экспертиза [16]. Как известно, к сфере судебно-психологической экспертизы относятся психические процессы, состояния, присущие психически здоровым людям [17] (при этом при наличии сомнений относительно наличия/отсутствия психических расстройств назначается судебно-психиатрическая экспертиза, в том числе в комплексе с судебно-психологической [18]). В уголовном судопроизводстве судебно-психологическая экспертиза чаще всего назначается с целью оценки способностей обследуемых лиц адекватно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них показания, что обычно ассоциируется с психикой несовершеннолетних, либо лиц, поведение которых указывает на признаки наличия у них психических расстройств, не исключающих вменяемости [19]. В отношении взрослых лиц такая экспертиза более типична при расследовании насильственных преступлений (в особенности преступлений, совершенных на сексуальной почве [20], преступлений, предположительно совершенных в состоянии аффекта [21], преступлений экстремистской и

(или) террористической направленности [22], преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан [23] и т.п.).

Потенциал судебно-психологических экспертиз позволяет установить не только совокупность присущих исследуемому лицу индивидуально-психологических качеств (в том числе в плане возможности осуществления им действий в соответствии с инструкцией и другими руководящими документами), но и внутреннюю мотивационную составляющую, предопределяющую его деятельность, в особенности — ведущие мотивы совершения преступного деяния. Если еще сравнительно недавно возможность определения мотивов совершения должностных (служебных) преступлений в рамках специальных знаний носила дискуссионный характер [24; 25], то на современном этапе развития психологического научного знания, которому присущи появление новых видов, подвидов, методик проведения экспертиз [26], успешное разрешение данных задач стало объективной реальностью.

Однако в отношении рассматриваемой нами группы деяний назначение судебно-психологических экспертиз для разрешения вопросов, касающихся доказывания мотивов и иных элементов субъективной стороны деяния, все еще не является данностью. Представляется, что

пришло время для интеграции в указанном ключе криминалистического и психологического знания. В этой связи считаем целесообразным рекомендовать следователям назначать судебно-психологическую экспертизу по установлению ведущих мотивов совершения преступных действий, а также взаимосвязанных аспектов (например, взаимоотношений и распределения ролей между участниками организованной группы или иной общности, согласованно осуществляющих противоправные действия), в особенности, если таковые не являются очевидными (проявление иной личной заинтересованности либо, напротив, стремление к систематическому и (или) опосредованному получению материальных и иных благ и преимуществ).

Эффективное использование результатов судебно-психологических экспертиз и исследований позволит решить ряд важных задач прикладного характера: уяснение механизма преступной деятельности, в том числе роли и личного вклада в ней каждого участника; выдвижение и проверка достаточного количества криминалистических версий; разработка и применение эффективных тактических приемов организации и осуществления отдельных следственных действий в процессе расследования служебных преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатенко В.В. Антикоррупционная экономическая экспертиза как разновидность законотворческих экспертиз / В.В. Игнатенко // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16–17 сент. 2016 г. / отв. ред. С.И. Суслова, А.П. Ушакова. — Иркутск, 2016. — С. 72–75.
2. Wilhelm P.G. International Validation of the Corruption Perceptions Index: Implications for Business Ethics and Entrepreneurship Education / P.G. Wilhelm // Journal of Business Ethics. — 2002. — Vol. 35, no. 3. — P. 177–189.
3. Seligson M.A. The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries / M.A. Seligson // Journal of Politics. — 2002. — Vol. 64, no. 2. — P. 408–433.
4. Denisova-Schmidt E. Corruption in Higher Education and Research / E. Denisova-Schmidt, E. Leontyeva // Coping with New Legal Challenges in Education : Proceedings of Conference. — Kaunas, 2013. — P. 55–62.
5. Powell B. Corruption, crime and economic growth / B. Powell, G.P. Manish, M. Nair // Handbook on the Economics of Crime / ed. B.L. Benson, P.R. Zimmerman. — Cheltenham : Edward Elgar Publ., 2010. — Chap. 13. — P. 328–341.
6. Gottschalk P. White-Collar Crime Research // White-Collar Crime in the Shadow Economy / P. Gottschalk, L. Gunnesdal. — Cham : Palgrave Pivot, 2018. — P. 1–14.
7. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. — 560 с.
8. Гончаров В.А. К вопросу о субъективной стороне должностного преступления / В.А. Гончаров // Юристы-Правоведь. — 2007. — № 1. — С. 42–45.
9. Грибунов О.П. Криминалистическая характеристика личности мошенника (на примере ч. 5–7 ст. 159 УК РФ) / О.П. Грибунов, А.Н. Залескина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2018. — № 3-2. — С. 11–18.
10. Варданян А.В. Особенности возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере теневого обращения фармацевтической продукции / А.В. Варданян, Г.А. Варданян // Уголовная юстиция. — 2020. — № 15. — С. 36–40.
11. Китаев Н.Н. О роли эксперта-психолога при доказывании фактов взяточничества / Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2010. — № 3. — С. 285–289.
12. Смирнова И.Г. Правовые аспекты трансформации российского общества / И.Г. Смирнова, Д.А. Степаненко // Академический юридический журнал. — 2020. — № 4 (82). — С. 59–63.
13. Антонян Ю.М. Психотерапевтические возможности исправления осужденных / Ю.М. Антонян, Ю.Ю. Красикова, Т.И. Савельева // Человек: преступление и наказание. — 2018. — Т. 26, № 3. — С. 332–333.

14. Бутырева Н.В. Актуальные проблемы доказывания иной личной заинтересованности и возможности судебно-психологической экспертизы / Г.В. Бутырева // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2013. — № 4 (36). — С. 52–58.
15. Варанкина Ю.С. Корыстная и иная личная заинтересованность как мотив преступной невыплаты заработной платы / Ю.С. Варанкина // Российский следователь. — 2008. — № 7. — С. 13–15.
16. Китаев Н.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы / Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2002. — 432 с.
17. Романов В.В. Юридическая психология / В.В. Романов. — Москва : Юрист, 2004. — 588 с.
18. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1988. — 224 с.
19. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости / А.В. Варданян // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 2-2. — С. 168–172.
20. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве / А.В. Варданян // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2014. — № 3 (30). — С. 164–167.
21. Будакова Т.П. Проблемы назначения судебно-психологической экспертизы аффекта / Т.П. Будакова // Эксперт-криминалист. — 2014. — № 1. — С. 6–10.
22. Варданян А.В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 2 (25). — С. 59–63.
23. Фойгель Е.И. О роли судебной этнопсихологической экспертизы в процессе расследования адвентальных преступлений / Е.И. Фойгель // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 2 (85). — С. 102–107.
24. Китаев Н.Н. Опыт регионов необходимо изучать / Н.Н. Китаев // Законность. — 1999. — № 4. — С. 29–31.
25. Ситковская О. Опыт, который не следует использовать / О. Ситковская, Ю. Корневский // Законность. — 1998. — № 11. — С. 27–30.
26. Ситковская О.Д. Новые направления судебно-психологической экспертизы / О.Д. Ситковская, Л.П. Конишева, М.М. Коченов. — Москва : Юрлитинформ, 2000. — 160 с.

REFERENCES

1. Ignatenko V.V. Anticorruption economic expertise as a type of lawmaking expertise. In Suslova S.I., Ushakova A.P. (eds.). *Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries. Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 16–17, 2016*. Irkutsk, 2016, vol. 1, pp. 72–75. (In Russian).
2. Wilhelm P.G. International Validation of the Corruption Perceptions Index: Implications for Business Ethics and Entrepreneurship Education. *Journal of Business Ethics*, 2002, vol. 35, no. 3, pp. 177–189.
3. Seligson M.A. The Impact of Corruption on Regime Legitimacy: A Comparative Study of Four Latin American Countries. *Journal of Politics*, 2002, vol. 64, no. 2, pp. 408–433.
4. Denisova-Schmidt E., Leontyeva E. Corruption in Higher Education and Research. *Coping with New Legal Challenges in Education, Proceedings of Conference*. Kaunas, 2013, pp. 55–62.
5. Powell B., Manish G.P., Nair M. Corruption, crime and economic growth. In Benson B.L., Zimmerman P.R. (eds.). *Handbook on the Economics of Crime*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2010, ch. 13, pp. 328–341.
6. Gottschalk P., Gunnesdal L. White-Collar Crime Research. *White-Collar Crime in the Shadow Economy*. Cham, Palgrave Pivot, 2018, pp. 1–14.
7. Volzhenkin B.V. *Official Malfeasances: Comments to Legislation and Court Practice*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2005. 560 p.
8. Goncharov V.A. On the question of the subjective side of malfeasance. *Yurist''-Pravoved'' = Lawyer-Legal Scholar*, 2007, no. 1, pp. 42–45. (In Russian).
9. Gribunov O.P., Zaleskina A.N. Forensic characteristic of the personality of the fraudster (for example, Art. 159, Part 5–7 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2018, no. 3-2, pp. 11–18. (In Russian).
10. Vardanyan A.V., Vardanyan G.A. On initiation of criminal cases in crimes related to the shadow flows of pharmaceutical products. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2020, no. 15, pp. 36–40. (In Russian).
11. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. On the role of an expert psychologist in proving the facts of bribery. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii = Problems of Strengthening Law and Order: Science, Practice, Trends*, 2010, no. 3, pp. 285–289. (In Russian).
12. Smirnova I.G., Stepanenko D.A. Legal aspects of the transformation of Russia's society. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2020, no. 4, pp. 59–63. (In Russian).
13. Antonyan Yu.M., Krasikova Yu.Yu., Saveleva T.I. Psychotherapeutic possibilities for convicts' correction. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human: Crime and Punishment*, 2018, vol. 26, no. 3, pp. 332–333. (In Russian).
14. Butyreva N.V. Actual problems of proof another personal interest and the possibility of forensic psychological examination. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2013, no. 4, pp. 52–58. (In Russian).
15. Varankina Yu.S. Selfish and other personal interest as a motive for criminal non-payment of wages. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2008, no. 7, pp. 13–15. (In Russian).

16. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. *Expert psychological research in criminal process: problems, practice and prospects*. Irkutsk State Economics Academy Publ., 2002. 432 p.
17. Romanov V.V. *Legal Psychology*. Moscow, Yurist'' Publ., 2004. 588 p.
18. Kudryavtsev I.A. *Forensic psychological and psychiatric examination*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1988. 224 p.
19. Vardanyan A.V. Some problems of purpose psychological and psychiatric examination when investigating violent attack against the life and health of the person committed a subject having a mental disorder not excluding sanity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2014, no. 2, pp. 168–172. (In Russian).
20. Vardanyan A.V. Features of formation of criminal motivation for sexual crimes committed by a person suffering from diminished responsibility. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2014, no. 3, pp. 164–167. (In Russian).
21. Budyakova T.P. Problems of assignment of judicial-psychology expert evaluation of temporary insanity. *Ekspert-kriminalist = Expert-Criminalist*, 2014, no. 1, pp. 6–10. (In Russian).
22. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. Typology of aggression and forms of its expression in the structure of motivation for extremist and terrorist activities. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2013, no. 2, pp. 59–63. (In Russian).
23. Foygel E.I. On the role of forensic ethnopsychological expertise in the process of investigating advanced crimes. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 102–107. (In Russian).
24. Kitaev N.N. Regional experience should be studied. *Zakonnost' = Legality*, 1999, no. 4, pp. 29–31. (In Russian).
25. Sitkovskaya O., Korenevskii Yu. The experience that should not be used. *Zakonnost' = Legality*, 1998, no. 11, pp. 27–30. (In Russian).
26. Sitkovskaya O.D., Konyshcheva L.P., Kochenov M.M. *New directions of forensic psychological expert examination*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2000. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Айвазова Ольга Владиславовна — профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aivazova, Olga V. — Professor, Chair of Criminalistics and Operational Search Activities, Rostov Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: olgavladislavovna72@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Айвазова О.В. Вопросы доказывания мотивов совершения преступлений служебной направленности / О.В. Айвазова. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).276-284 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 276–284.

FOR CITATION

Aivazova O.V. Issues of proving the motives for official misconduct. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 276–284. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).276-284.